

**Сборник правительственных сведений о
раскольниках**

Выпуск первый

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
С23

С23   Сборник правительственных сведений о раскольниках: Выпуск первый / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-518-06627-4

ISBN 978-5-518-06627-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Намъ кажется, что только цензура и полицейское управленіе мѣшали русскимъ ученымъ заняться серьезнымъ изученіемъ *раскола*; иначе мы не можемъ объяснить невниманія къ этому многозначительному явленію въ великорусской жизни, которое до сихъ поръ занимало только духовенство и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы искренно желаемъ, чтобъ издаваемый сборникъ статей объ расколѣ вызвалъ изслѣдованія людей, больше чѣмъ мы подготовленныхъ и пользующихся средствами пріобрѣтать необходимые источники.

Въ нашей исторіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ и по сю пору, видна глухая но непрерывная борьба двухъ совершенно противоположныхъ началъ: государственнаго единства съ личной и областной независимостью. Когда *удальный* порядокъ ослабѣлъ и московскіе князья начали превращаться въ самодержцевъ, прежняя вольная Русь, повсюду разбиваемая на голову, душимая произволомъ бояръ и воеводъ, уходила въ южныя степи, и на Волгѣ, на Дону, на Днѣпрѣ, положила основаніе *казацеству*. Казацкій порядокъ принялъ въ себя и развилъ все что было лучшаго

въ вѣчевомъ устройствѣ: онъ сохранилъ сходку или кругъ, ввелъ полное равенство, выборное правленіе и скоро заявилъ свою силу войнами съ Персіей, съ Турціей, завоеваніемъ Сибири и, наконецъ, временемъ самозванцовъ. Но онъ не носилъ въ себѣ началъ, достаточныхъ для преобразованія тогдашняго русскаго быта. Въ немъ не было *сознанной* идеи о равенствѣ и о самоуправленіи, и нѣтъ примѣра, чтобы казакъ крѣпко думалъ о введеніи своихъ порядковъ во всю осѣдлую Русь. Казачество было прибѣжищемъ всему недовольному обществу, но оно жило для самого себя, не думая и не заботясь о пропагандѣ и о возможности развитія свободныхъ учрежденій въ покинутой родинѣ. Эта *безсознательность* убила казачество. Послѣднимъ изъ его героевъ является Стенька Разинъ, сложившій ни за что ни про что свою буйную, но талантливую голову.

Въ его время, около половины XVII вѣка, когда казачество отживало и падало подъ властью самодержавія, является новый представитель свободы, тоже не имѣющій сознанія, но проповѣдывающій и вичего не щадящій для проповѣди, — *расколъ*. Расколъ былъ протестомъ не только противъ правительства, но и противъ церкви. Онъ заявилъ при самомъ своемъ рожденіи, что и правительство и церковь должны быть народны, должны не вводить новыхъ обычаевъ, не требуемыхъ народомъ; и когда онъ былъ проклятъ соборомъ и казненъ въ лицѣ Никиты, стрѣльцовъ, соловецкихъ бунтовщиковъ—онъ проклялъ правительство съ его духовенствомъ, ушелъ въ скиты и сталъ проповѣдывать ненависть къ ненароднымъ началамъ.

Мы видимъ въ исторіи великоруссовъ постоянное стремленіе къ независимости, которое поочередно выражалось то вѣчевымъ порядкомъ, то удѣльной особностью, то казачествомъ и, наконецъ, приняло форму раскола. Выраженіе и

форма этого безотчетнаго отвращенія къ всепоглощающему государственному единству стали другими,—но характеръ борьбы остался тѣмъ что былъ. Та же неуясненность желаній, то же взаимное нерасположеніе партій, мѣстностей, городовъ, такое же неумѣнье довести дѣло до конца и смерть отъ усталости на поль-дорогѣ. Можетъ быть это и объясняетъ, почему Москва съумѣла подавить и удѣльныхъ князей, и вѣчевыя республики, и своихъ собственныхъ бояръ, и казачество. Отчего только цари и ихъ приверженцы имѣли и умъ и ловкость для стройки государства, а ихъ противники, защитники областной самостоятельности оказались такъ слабы и неспособны? Что то роковое лежитъ на всей этой драмѣ, гдѣ не является ни одного генія, ни одного замѣчательнаго таланта, развѣ за исключеніемъ Петра, и гдѣ исторія идетъ послѣдовательно однимъ путемъ, не сворачивая ни въ право, ни въ лѣво. Междуцарствіе, вмѣсто развитія и выраженія тѣхъ началъ, которыя оно представляло, превратилось въ борьбу партій. Земскій соборъ и боярская дума, исчезли и позабылись незамѣтнымъ образомъ. Бунтовщики временъ Алексѣя, Федора и Софьи не умѣли даже сказать чего имъ нужно, кромѣ избіенія такихъ то личностей и уничтоженія такихъ то налоговъ или приказовъ. Со временъ Іоанна Калиты до Александра I весь умъ и вся забота объ общемъ дѣлѣ сливались въ правительствѣ, и *никто* изъ народа не умѣлъ заявить и разъяснить, что спастись можно только совершенно *инымъ* порядкомъ общественной жизни. Насъ поражаетъ этотъ фактъ и мы останавливаемся передъ нимъ, не зная чѣмъ его объяснить. Въ теченія всего нашего существованія, въ *тысячу* лѣтъ, нами правила и правятъ какія то земныя силы, которыя мы всѣ ощущаемъ, но не можемъ понять и объяснить. Разгадка, по всей вѣроятности, найдется въ естественныхъ условіяхъ мѣстности и въ самомъ строеніи нашего мозга.

Только послѣднее время, можетъ быть со временъ мартиновистовъ, у насъ явилось сознаніе и стремленіе къ коренному испроверженію государственнаго начала, съ замѣною его другими формами, основанья которыхъ мы какъ-то выработали подъ его долгимъ гнетомъ. Только теперь мы перестаемъ жить растѣняемъ или полнпами и просыпаемся чтобы-выдти на путь, болѣе согласный съ требованіями нашего народнаго характера и нашего умственнаго развитія.

Въ раскольникахъ, мы встрѣчаемъ ту самую безотчетность и недосказанность стремленій, какую видѣли въ остальной русской исторіи. Въ этомъ сборникѣ мы помѣстили нѣсколько поповщинскихъ сочиненій. Только одно изъ нихъ *Зеркало*, говоритъ чего бы нужно было для нихъ, но и то довольствуется желаніемъ отмѣны нѣкоторыхъ стѣснительныхъ постановленій, точь въ точь какъ просили стрѣльцы, волжскіе казаки и даже посадскіе люди въ XVII вѣкѣ. Показаніе Федосѣевца имѣетъ тотъ же самый характеръ неопредѣленности. Мы не можемъ не сочувствовать съ большею частью ихъ жалобъ, но развѣ разумно ограничиваться одними жалобами и негодованьемъ, не думая въ то же время о средствахъ помочь бѣдѣ, о необходимости новаго устройства народнаго быта, при которомъ не было бы *возможности* повторенья теперешнихъ золъ? Расколъ совершенно народенъ въ образѣ борьбы. Такъ мужикъ ропщетъ на помѣщика и на чиновника, мѣщанинъ и купецъ на городскія власти, такъ точно солдатъ косится на офицера, который его засѣкаетъ до смерти, и, идя на ученье, утѣшаетъ себя что его проклялъ Николай чудотворецъ: *чиститься бы вамъ, да не вычиститься; учиться бы вамъ, да не выучиться*. Никто нейдетъ дальше мысли о смѣнѣ нѣсколькихъ лицъ и объ уничтоженіи нѣсколькихъ постановленій. Можетъ быть это слѣдствіе духоты нашей жизни, умственной неразвитости и вѣковой неурядицы, убившей всякія надежды. Но, нельзя тоже не замѣтить, что

новыя идеи, если только онѣ совпадаютъ съ характеромъ народа, и уясняютъ ему его же желанія — принимаются имъ очень легко и переходятъ въ плоть и въ кровь. Это подтверждается самымъ же расколомъ, какъ мы ниже увидимъ, въ очеркѣ Безпоповщины и Поповщины и ихъ географическаго распространенія.

Почти вслѣдъ за отторженіемъ отъ церкви, расколъ какъ и слѣдовало ожидать, распался на разные толки. Покуда была возможность открытой борьбы, у раскольниковъ было общее дѣло, близкая цѣль: противурѣчивыя мнѣнія предводителей мирились и рѣшительный споръ откладывался до первой удобной минуты. Вышла натижка. Сдержанныя страсти и личные неависты быстро привели къ первому и главному распаденію раскола на двѣ отрасли: на *Поповщину* и на *Безпоповщину*.

Поповщина, иначе *Старообрядчество*, имѣетъ поповъ и всѣ духовныя чины. По мнѣнію поповщинцовъ преемственное право совершенія таинствъ, передаваемое рукоположеніемъ и помазаніемъ, сохранилось до сихъ поръ въ пяти вселенскихъ церквахъ, слѣдовательно и въ русской. Такъ какъ оно дѣйствительно, и такъ какъ рѣшенія вселенскихъ и частныхъ соборовъ непреложны, и спасеніе зависитъ отъ безусловнаго храненія ихъ и всякаго рода преданій, то нынѣшняя православная церковь, съ ея реформами, есть церковь еретическая, въ которой, со временъ Никона, царитъ антихристъ. Священники и архіереи ея тѣмъ болѣе грѣшны, что имѣя на себѣ помазаніе, пренебрегаютъ завѣщаніемъ старыхъ временъ, святотатствуютъ и вводятъ съ каждымъ днемъ, болѣе или менѣе несогласныя съ преданіемъ, новизны. Отсюда, царь, защитники этой церкви, власти и т. п. суть слуги антихриста, нечестивцы. Отсюда всякій брѣющій бороду, не соблюдающій

постовъ, женищійся на иновѣрцѣ, словомъ, не держащійся буквы закона, есть сынъ погибели. Что поповщиныцы правы съ своей исходной точки, общей съ православіемъ, въ этомъ сомнѣныя нѣтъ: то что они соблюдаютъ было строго завѣщано дониконовскими соборами. Бороды, иконы византійской живописи, сугубая аллилуя, обѣдня на семи просфорахъ, осьмиконечный крестъ, Исусъ и т. п. были болѣе чѣмъ обычаемъ до Никона. Поповщиныцы или старообрядцы всегда были самою многочисленною и вліятельною сектою. Теперь, когда у нихъ есть митрополитъ, вліянье ихъ растетъ по часамъ.

Безпоповщиныцы взглянули на дѣло иначе. Если церковь московскимъ соборомъ вселенскихъ патріарховъ торжественно объявила что она отвергаетъ такіа-то и такіа-то преданія, слѣдовательно она своимъ отступничествомъ уничтожила дѣйствительность преемственности апостольскаго рукоположенія: православія больше нѣтъ. Стало быть, все что сдѣлано послѣ собора не имѣетъ въ себѣ святаго значенія. Остается только чтить, какъ почтенную но безсильную древность, преданія св. отцовъ, старыя книги и старыя образа, а въ остальномъ полагаться на боговдохновенныя ученія наставниковъ. Что наставники эти посылаются отъ бога, доказываетъ чистота ихъ жизни, ревность къ вѣрѣ, успѣшность въ дѣлахъ и, иногда, чудеса и пророчества. Впрочемъ, почти всѣ безпоповщинскія секты допускаютъ, какъ и протестанты, полную свободу изслѣдованья и основываютъ свое ученіе не на преданьи, а на логическомъ выводѣ.

Относительно географическаго распространенія раскола мы останавливаемся передъ двумя явленьями, на которыя, сколько мы знаемъ, никто еще не обратилъ вниманія, и причину которыхъ мы не можемъ себѣ удовлетворительно объяснить.

1) Поповщина распространилась преимущественно на югъ отъ Москвы, Безпоповщина преимущественно на сѣверь. Въ странахъ лежащихъ отъ нее на западъ и на востокъ оба толка живутъ перемѣшанно (въ Костромской, въ Нижегородской, въ Тверской, Казанской, Калужской). На сѣверь и на югъ отъ нее замѣчается явное преобладаніе одного какого нибудь толка, съ самыми незначительными исключеньями. Это до того рѣзко, что изъ раскольниковъ, ушедшихъ за границу, въ Пруссіи живутъ только безпоповщинцы-Филиппоны, въ Австріи и въ Турціи почти одни поповщинцы. Намъ кажется, что это произошло отъ религіознаго вліянія окружающихъ странъ. На сѣверѣ, Новгородъ и Архангельскъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ протестанскимъ тевтонскимъ племенемъ, и потому у нихъ могло быть и прежде нѣкоторое расположеніе къ отрицанью духовенства и къ допущенію свободы совѣсти. Въ XVII вѣкѣ, въ Стокгольмѣ была заведена даже славянская типографія и въ ней былъ напечатанъ Лютеровъ катихизисъ. Еще задолго до того времени Новгородская область волновалась далеко не православными ученіями, и въ ней всегда было больше склонности къ толкованью св. писанія, чѣмъ въ остальной Россіи. Такъ, въ 1375 г., при Дмитріи Донскомъ, училъ въ Новгородѣ Карпъ Стригольничъ, что не слѣдуетъ платить духовенству за требы, такъ какъ по самому смыслу христова ученія благодать должна получаться даромъ а не за деньги. Ученіе это возбудило ненависть народа, произошла драка между его послѣдователями и непринявшимъ его населеніемъ, которая кончилась тѣмъ, что Карпъ и его главные приверженцы погибли въ Волховѣ; тѣмъ не менѣе Стригольничество развилось, существовало долгое время и, наконецъ, исчезло само собой; но когда исчезло оно—неизвѣстно. Черезъ сто лѣтъ послѣ гибели Каопа, въ Новгородѣ - же возникла

странная секта жидовствующихъ, основанная евреемъ Схарию. Къ ней присталъ не только простой народъ, но два протопопа изъ Софійскаго Собора, которые сумѣли войти въ милость къ царю, сдѣлать Московскимъ митрополитомъ своего послѣдователя Зосиму и распространить свое ученіе въ самый дворцъ. Нужны были огромныя усилія чтобы подавить эту секту, которая пала въ лицѣ своихъ предводителей, взведенныхъ на костеръ. Жидовство состояло, какъ видно изъ не многихъ и очень темныхъ источниковъ, въ отрицаніи христіанства и въ принятіи закона моисеева. Но Схарія запрещалъ открытое исповѣданье этого ученія, такъ что Зосима могъ быть въ одно время и митрополитомъ и нехристіаниномъ. Обрѣзанья не совершалось, такъ какъ оно могло послужить напрасной уликкой.

Время Іоанна Грознаго было особенно богато новыми ученіями, которыя впрочемъ не принимались народомъ. Въ XVI вѣкѣ, когда на западѣ развился протестантизмъ, у насъ стали являться одинъ за другимъ разные еретики, которые впрочемъ излагали свои мнѣнія очень отрывочно и обращали вниманье болѣе на частные случаи. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были Матвѣй Башкинъ и Феодоръ Косой, которые отвергали преданье, равносущіе Сына Отцу, причащенье и покаянье, поклоненье иконамъ. Дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый возставалъ противъ изображенья на иконахъ невидимаго и безплотнаго. Инокъ Васьянъ, изъ рода князей Патрикѣевыхъ, возставалъ противъ монастырскихъ мнѣній. Но одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій того времени было принятіе русскими *чистою* протестантизма. Въ 1552 г. три монаха, Феодосій, Артемій и Тома, перебѣжали изъ Россіи въ Витебскъ и стали тамъ проповѣдывать протестантизмъ, разбивая иконы и т. п. Это не понравилось православному населенью, они должны были уйти въ глубь Литвы, гдѣ

восьмидесятилѣтній Θεодосій умеръ, Артемій удался къ князю Слуцкому, а Тома сдѣлался наставникомъ (пасторомъ) въ *русской* молебнѣ, въ Божьей Церкви, въ Полоцкѣ. Тамъ онъ и проповѣдывалъ до самой своей смерти, до 1563 года, когда Грозный взялъ Полоцкъ и утопилъ его, какъ измѣнника государству и церкви. Церковь и протестантизмъ всетаки уцѣлѣли въ Литвѣ, которая имѣла постоянное сношенье съ сѣверной Русью. Послѣ Никона мы встрѣчаемъ между наставниками не только иностранцовъ протестантовъ, (какъ Вавила, который былъ “вѣры люторскія, глаголати и писати учився довольно времени въ славнѣй парижскѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философін; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и славянскій,”) но и протестантовъ чисто русскихъ. Между ними были замѣчательны Денисовы, а особенно лѣкарь Дмитрій Тверетинновъ и одинъ цирюльникъ; послѣдніе уже при Петрѣ распространяли кальвинизмъ въ Москвѣ и имѣли успѣхъ. Противъ нихъ Яворскій писалъ свой Камень Вѣры. Противъ протестантовъ возставали Игнатій Тобольскій и Дмитрій Ростовскій въ своихъ сочиненіяхъ, первый въ Пославіяхъ, а второй въ Розыскѣ. Понятно, что переселясь на русскую почву, этотъ протестантизмъ скоро принялъ особый оттѣнокъ, сдѣлался апокрифическимъ и обряднымъ, и потерялъ свой первобытный характеръ.

Прививкѣ протестантизма на югѣ Россіи препятствовало много обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ югъ остался болѣе православнымъ, поповщинскимъ. Тамъ не было ни сосѣдства протестантскихъ странъ, ни близкихъ сношеній съ болѣе образованными народами, тамъ было казачество. Казачество было раскрыто всякому, томившемуся удушливой гражданской жизнью, и утягивало въ себя тѣ непокойныя природы, которыя на сѣверѣ могли только бросаться въ религію, какъ въ единственное средство, дающее забвеніе всѣхъ житейскихъ дразгъ и неправдъ.

Во всякомъ случаѣ это недостаточно объясняетъ причины появленія Безпоповщины на сѣверѣ, а поповщины на югѣ.

2) Другая отличительная черта нашего раскола есть его крайняя національность. Онъ всегда и вездѣ великорусскій. Мы не знаемъ примѣра, чтобы онъ успѣшно распространялся между малороссами, поляками, финскими племенами или къмъ нибудь изъ другихъ народовъ кромѣ великорусскаго племени. Кажется вся апостольская ревность наставниковъ исчезаетъ и стынеть при видѣ невеликорусса : только великоруссамъ они проповѣдуютъ, только объ ихъ спасеніи заботятся, и дальше не дѣлаютъ ни шагу. Даже и въ этомъ кружкѣ они останавливаются передъ дворянствомъ и передъ чиновничествомъ, и развѣ только скопцы дѣлали прозелитовъ среди бритыхъ бородъ. Настоящую причину надобно кажется искать дальше, едвали не въ мѣстныхъ, географическихъ и климатическихъ условіяхъ страны, заселенныхъ нашимъ племенемъ. Только объясненіемъ ихъ вліянья мы поймемъ тотъ роковой, характеръ который лежитъ на всей исторіи великорусскаго народа. Какъ иначе объяснить что государственныя начала, въ теченіи *пяти* послѣднихъ вѣковъ, постоянно брали верхъ надъ мѣстной независимостью и наконецъ дошли до нынѣшняго чудовищнаго размѣра?

Переходя къ религіознымъ взглядамъ безпоповщинскихъ и поповщинскихъ толковъ, мы встрѣчаемся съ явленіями, поразительными по своей оригинальности. Великоруссы вообще равнодушны къ религіи и рѣдко прибѣгаютъ къ ея утѣшеньямъ. Великорусса солдата или ссыльнаго всегда можно отличить по индиферентизму отъ поляка или малоросса. Тѣ въ горѣ начинаютъ молиться и каяться, — мы приходимъ въ отчаянье, задумываемся, выискиваемъ средства вывернуться изъ бѣды и, если ихъ нѣтъ, то пожалуй, просто спиваемся съ кругу. Тѣмъ страннѣй, что изо всѣхъ славянъ у насъ однихъ явились расколы и религіозный фанатизмъ.